

ВЕРА КАК АТТРИБУТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Беляков Николай Станиславович

Аспирант, Башкирский государственный университет
(Уфа)

belyakov.nikolay1994@yandex.ru

BELIF AS AN ATTRIBUTE OF SIENTIFIC COGNITION

N. Belyakov

Summary. Multi-aspect of the problem of knowledge is the need to identify the different types of cognition that. At the present stage of human development, the scientific type of cognition of the world is dominant. One of the essential components of the structure of cognitive activity of any type is belief. Belief is one of the ways of transition from irrational in human consciousness to rationalized knowledge.

Keywords: belief, cognition, types of cognition, scientific cognition, religious faith, knowledge, truth.

Аннотация. Многоаспектность проблемы познания заключается в необходимости выделения различных типов познания. На современном этапе развития человека, доминирующим является научный тип познания мира. Одним из неотъемлемых компонентов структуры познавательной деятельности любого типа является вера. Вера представляет собой один из способов перехода от иррационального в сознании человека к рационализированному знанию.

Ключевые слова: вера, познание, типы познания, научное познание, религиозная вера, знание, истина.

Одной из актуальных проблем философского дискурса является вопрос о структуре и типах познания. На современном этапе развития человечества одной из доминирующих форм постижения действительности является наука. Как познавательная деятельность она направлена на получение максимально объективного знания, насколько это возможно с учетом несовершенства используемой аппаратуры, а также неизбежной субъективации и личностной интерпретации, возникающей как в процессе познания, так и при оперировании итоговым знанием. Например, Дж. Аззуни [См.: J. Azzouni, 2012] полагает, что процесс интерпретации в науке это в первую очередь субъективный процесс. В определенной степени интерпретация, обусловлена внешними логическими рамками, но они задают скорее общий вектор исследования, в то время конкретный выбор того или иного значения определяется такими категориями как вера и интуиция исследователя.

Как любая деятельность, атрибутивная человеческому сознанию, познание в целом представляет собой не до конца исследованную, но в то же время потенциально перспективную область для эпистемологического и гносеологического анализа.

Анализируя познавательную деятельность человека, можно выделить несколько типов познания, возникающих в своих эталонных формах в различные исторические эпохи. Интересной особенностью является тот факт, что при смене доминирующего типа, мыслительные конструкции, присущие другим познавательным практикам не исчезают, но, наоборот, сосуществуют и продолжают развиваться. Например, В.С. Степин отмечает, что «Мно-

гое из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки» [В.С. Степин, 2012, с. 24].

В современной философской мысли нет четкого и единого подхода, относительно концептуализации и классификации типов познания. В различных источниках встречаются самые разные типы познания, выделяемые в зависимости от конкретной цели автора. Например, Т.Ю. Афанасьев справедливо отмечает, что «анализ современной философской литературы свидетельствует о расхождении при описании ступеней, направлений, типов и видов познания, а также несовпадении используемой при этом терминологии — «этапы», «формы», «уровни», «типы» и т.п.» [Т.Ю. Афанасьев, 2012, с. 35]. Это существенным образом затрудняет анализ данной проблемы. Согласно нашей позиции возможно выделение нескольких типов познания: мифологического, религиозного, философского, художественного и обыденного. Каждый из них может быть дополнительно расчленен на подтипы. Например: естественнонаучное и гуманитарное, эмпирическое и теоретическое познание в рамках научного и др.

При этом важно отметить, что обыденное познание занимает несколько обособленное положение, поскольку оно атрибутивно сознанию субъекта всех исторических периодов любой культуры. Оно входит в число «источников всех последующих видов познания» [Н.С. Чернякова, 2016, с. 205] и не сводится к эклектике элементов других типов, особым образом вбирая в себя опыт и знания, привнесенные всеми ими.

Как уже отмечалось, в настоящее время, в рамках общества западного типа мышления, доминирующим является научный тип познания. В то же время, практики, атрибутивные предшествующим типам не исчезли, в результате чего создается уникальный продукт человеческого знания, основанный не на обособленном познавательном типе, но на их субъективном синкретизме.

Особенностью современного знания является признание того, что наука не обособлена от иных познавательных типов, не отделена от них непреступным барьером объективности, верификации и фальсификации, но сосуществует вместе с ними. Как отмечают Л. В. Щеглова и Ю. В. Борисова «в современной культуре происходит деконструкция научного знания как части культуры, то размываются и критерии научности. Это ведет к тому, что наука, которая раньше могла четко отграничить себя от вненаучных форм знания, теперь этого сделать не может, поскольку оказывается внутренне деконструирована» [Л. В. Щеглова, Ю. В. Борисова, 2015, с. 23]. Тем не менее, наука продолжает занимать лидирующую позицию в современном обществе и апелляция к научности является гарантом максимальной истинности в глазах широкой общественности, как веками ранее таковой считалось обращение к божественному.

Необходимо отметить, что вариации соединения элементов различных познавательных практик в рамках мыслительной активности конкретного субъекта сугубо индивидуальны. Их наличие, отсутствие или активация глубоко личностны. Единственный предельно общий принцип их генерации можно провести, основываясь на особенностях культурно-исторического периода. В одной культуре трендом является доминирование одного типа познания. В другой — другого. Это происходит вследствие того, что «процессы познания и на эмпирическом, и на теоретическом уровнях “погружены” в культуру. И в этом смысле обусловлены знаково-символическими, языковыми аспектами познания, а также культурно-коммуникативными, диалоговыми процессами» [Т. Д. Федорова, 2016, с. 76].

С одной стороны, все это создает неповторимость человеческого познания. Один и тот же познающий субъект может синтезировать в себе установки, характерные для различных познавательных техник: ученый может быть верующим, элементы обыденного познания присутствуют во всех остальных его типах и др. Но, с другой стороны, это затрудняет гносеологический анализ проблемы, так как в рамках последнего, мы преимущественно используем идеально выверенные и теоретизированные типы познания в их обособленном виде. Это происходит в силу невозможности учесть все вариации индивидуальных познавательных интенций, так как их

генерация сугубо индивидуальна в силу субъективных особенностей конкретного индивида.

Необходимо подчеркнуть, что при описанной нами субъективности данного процесса современное общество озабочено необходимостью обязательного включения в их число науки. Этому способствует система образования, прохождение через которую является обязательным условием социализации в развитых странах. В своем современном виде она представляет собой часть научного мира и подталкивает субъекта построению унифицированной системы смысловых координат в том плане, что в ее основе лежит «научность». Необходимо помнить, что данное утверждение отражает действительность в странах западного мира. В ряде других государств образование не всегда нацелено на вовлечение субъекта в науку. Например, оно может вести к религиозизации населения, как-то имело место быть в Иране.

То есть, само по себе изучение научных дисциплин не делает научный тип познания доминирующим. Это происходит только тогда, когда научное знание становится синонимом истинного знания, которое не нуждается в ином подтверждении своего статуса, кроме как в себе самом, соответствии идеалам и критериям научности. Когда это происходит, все знания, добытые при помощи иных познавательных практик, утрачивают свою самодостаточность и вынуждены обращаться к науке как гаранту истины для подтверждения собственных гносеологических построений. В противном случае, они маргинализируются в глазах широкой общественности и становятся уделом отдельных групп адептов.

Тем самым мы подходим к обоснованию утверждения о неразрывной связи веры и науки. С одной стороны, вера обеспечивает успешное генерирование научного знания внутри самой науки. Сюда относится самый широкий круг процессов и явлений. Во-первых, апелляция к аксиомам как базовым пунктам конкретной теории. Во-вторых, субъективная убежденность исследователя в приоритетности того или иного факта, что может быть соотнесено с «идолами пещеры» Ф. Бэкона и др.

Кроме этого, необходимо отметить, что современная наука допускает существование нескольких концепций, объясняющих одно или то же явление действительности. Тем самым, встает вопрос, как именно осуществляется выбор между ними. Очевидно, что мы не получим идентичные результаты используя разные концепции, какие-то будут более объективны в рамках конкретного исследования, какие-то менее. Тем самым, полная ответственность за выбор перекладывается на конкретного исследователя, так как научное сообщество одобрило все возможные схемы деятельности [См.: Н. Field, 2014]. В данном контексте выбор также осуществляется не при

помощи строго логических процедур, но индивидуальных предпочтений, субъективного видения или конвенции, в основе которых лежит в том числе вера исследователя в их истинность.

В то же время вера является катализатором популяризации и массовизации научного знания в широкой общественной среде. Трансляция знания от одного субъекта к другому, когда передача информации происходит не только на основании положенной согласно нормам научности верификации, но, во многом по принципу «идолов театра». При этом объективная истинность подобного «идола» играет в данном случае второстепенную роль, так как основное внимание здесь обращено на априорное принятие такого факта как истинного.

Чтобы более детально рассмотреть роль веры в науке представляется необходимым выявить общую структуру познавательной деятельности научного типа. Согласно нашей позиции, структура научного познания в целом идентична любой другой познавательной деятельности. В самом общем виде она включает в себя иррациональное и рациональное, где однонаправленный переход от первого ко второму достигается при содействии еще-не-рационального. То есть, в данном вопросе мы принимаем позицию Н.С. Мудрагей [См.: Н.С. Мудрага, 1995]. Однако мы делаем акцент на однонаправленности такого процесса. Кроме этого, необходимо подчеркнуть, что иррациональное является глубинным уровнем сознания человека, поэтому обладает относительной самостоятельностью. То есть для его функционирования наличие рационального компонента в сознании желательно, но не обязательно. В то время как рациональное, взятое само по себе, обособленно от иррационального не существует. Оно возникает только при содействии иррационального и нерационального, как момента рационализации элементов первого.

Возникает вопрос. Если такая схема подходит под каждый из выделанных нами типов познания, то в чем их индивидуальная специфика? Не является ли дробление познания на типы примером, где нужно применить «бритву Оккама»?

Нет, мы полагаем, что такой подход полностью оправдан. Однако подобное деление основано не на вычленинии онтологических принципов организации познания, которые являются инвариантными для познания в целом, но на обособлении различных схем и идеалов сопоставления результата познания с истиной. То есть, различие между типами познания заключается в определении критериев результата познавательной деятельности, который может именоваться знанием, в его понимании как объективного отражения действительности. Знание,

таким образом, не есть нечто неизменное. В рамках различных типов познания один и тот же факт может быть рассмотрен как соответствующий действительности, так и наоборот. То есть в одной случае он будет именоваться знанием, а в другом — нет.

Теперь вернемся к осмыслению роли веры в познании. Под верой мы понимаем принятие чего-либо за истину без должной доказательной базы. На основании этого можно провести градацию между верой и иными, близкими к ней гносеологическими процессами. Например, интуицией является предположение истины, тогда как вера — это четкое осознание чего-либо таковым.

При этом методы доказательства, отсутствие которых характеризует веру, разнятся в каждом из типов познания. К примеру, обращение к Отцам Церкви может считаться доказательством в конкретной религии, но не в науке. Здесь заключается одно из принципиальных различий между верой вообще и религиозной верой. Религиозная вера является достаточно узким и специфическим ответвлением от веры в целом. Она существует исключительно в рамках религиозного познания. В рамках религиозного осмысления мира отсылка к религиозной вере сама по себе является доказательством. А верой в общегносеологическом понимании, то есть принятием чего-либо без доказательств, является любой факт, не соответствующий религиозной вере, поскольку корреляция с ней и есть основное доказательство в данном конкретном случае.

Таким образом, необходимо строгое разграничение данных типов веры между собой. В русском языке эта проблема усугубляется отсутствием семантической альтернативы слову «вера», как например, в английском, где существуют понятия «faith» и «belief». Вследствие этого мы вынуждены использовать уточняющие определения, такие как «религиозная». Такое грамматическое усложнение затрудняет процесс интерпретации смысла понятия «вера» и ведет к необходимости дополнительного разъяснения данных категорий. Разработке этой проблемы посвящен ряд исследований. Одной из наиболее интересных — нам представляется позиция Д.В. Пивоварова, который полагает что: «Faith-вера есть духовное влечение души к предельным основаниям бытия, мистическое пребывание в них, прямое видение трансцендентальных сущностей... Belief-вера есть ориентированная на тварный и качественно разнообразный мир, способность души относительно непосредственно (без достаточного основания) признавать истинность чувственных и рациональных образов в формах субъективной достоверности и доверия, уверенности и ожидания» [Д.В. Пивоваров, 2013, с. 75]. То есть первая категория напрямую относится к религиозной вере, вторая к вере как бездоказательному принятию что-либо за истину.

Таким образом, говоря о науке, проблему религиозной веры можно опустить, так как наука не является религией. Хотя это не исключает возможности превращения науки в идеологию, во многом схожую с религией. Однако эта схожесть заключается скорее в фанатизме сторонников, но не в наличии религиозного момента. Кроме этого, их схожесть усугубляет наличие и там и там «веры», только в случае науки мы говорим о вере в целом, вере как атрибуте человеческого познания; о вере, как способе генерации нового знания. В случае же религии к данному типу веры добавляется «религиозная вера», которая предстает как самодостаточный критерий истины. Исходя из этого, можно заключить, что одним из признаков религии является убеждение в истинности веры. Она не нуждается в подтверждении самой себя чем-то внешним по отношению к ней самой.

В случае же с наукой ситуация в корне иная. С одной стороны, современная наука признает атрибутивность веры познанию. Но с другой — вера не является самодостаточным источником истины. Это противоречит всем имеющимся принципам научности. Благодаря вере научное знание может быть получено, может быть транслировано от субъекта к субъекту, для того, что бы знание стало признанным — необходимо провести процедуры, подобные верификации, фальсификации и др. Процесс их проведения также насыщен верой, так как субъектом познания является человек. Однако это знание в итоге становится максимально объективированным, в том значении, которое требует наука.

Таким образом, современная наука была вынуждена признать веру, осознать ее позитивную познавательную роль, но сама природа науки не позволяет признать ее гносеологически самодостаточной. В подобном отношении к вере заключается одно из принципиальных отличий науки как способа познания мира.

Далее необходимо разобрать проблему относительно того, какую позицию занимает вера в обозначенной нами выше общей структуре познания. Относится ли она

к иррациональному, нерациональному или рациональному. На первый взгляд может показаться, что веру необходимо причислить к иррациональному. К этому нас отчасти подталкивает логика известного противоборства между религией и наукой классического периода, когда последняя выбила себе право объявить рациональное синонимом научности. Однако как выяснилось в дальнейшем полностью объективного, очищенного от иррациональной составляющей, человеческого знания в принципе не существует. Тем самым, подобная позиция представляется неправомерной.

Источник веры действительно находится на уровне иррационального. Однако, поскольку результатом акта веры является знание, то вера затрагивает и уровень рационального, но, в то же время она не принадлежит ему во всей своей полноте, так как рациональным, то есть обладающим потенциалом к вербализации, рефлексии и др., является только результат верования. Таким образом, вера представляет собой один из способов функционирования нерационального. Вера или убежденность, не требующая доказательств, выводит идею за рамки иррационального, в результате чего она может быть включена в систему знания. Она представляет собой один из каналов получения знания, фундированный на связи между иррациональным и рациональным. Как правильно отмечает В. А. Лефевр, недопустимо «выдавать за научную истину некоторое утверждение, в действительности основанное лишь на вере» [В. А. Лефевр, 2016, с. 94]. Одной веры недостаточно для существования полноценного знания. Однако ее исключение из процесса генерации знания ведет к идеализации и крайнему редуccionизму, как это было, например, в эпоху классической науки.

Таким образом, можно заключить, что вера есть один из атрибутов человеческого познания. Без ее наличия формирование знания было бы сильно затруднено, если вообще возможно. При этом необходимо четко разграничивать и не смешивать веру с религиозной верой, одна из границ между которыми проходит на основании их соотносительности с истиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Т. Ю. Познание и его классификации по типам и видам в современной гносеологии: к построению полной типологии (Ч. 1) // Современная наука. № 1. 2012. С. 35–40.
2. Лефевр В. А. Познание и вера // Вопросы философии. № 9. 2016. С. 94–97.
3. Мудрагей Н. С. Рациональное — иррациональное: взаимодействие и противостояние // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В. А. Лекторский. Т. 1. М.: ИФ РАН, 1995, С. 60–74.
4. Пивоваров Д. В. Два понятия веры // Религиоведение, Т. 2, 2013, С. 75–89.
5. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. № 5. 2012. С. 18–25.
6. Федорова Т. Д. Научное познание в контекстах современной культуры // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 4. 2016. С. 75–78.
7. Чернякова Н. С. Обыденное и мифологическое познание как формы практически-духовного освоения мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7–1. 2016. С. 205–208.

8. Щеглова Л.В., Борисова Ю. В. Роль эзотерики в современно научном познании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. № 1 (27). 2015. С. 22–27.
9. Azzouni J. Knowledge and Reference in Empirical Sciences. International Library of Philosophy. London. 2012. 248 p.
10. Field H. Saving Truth from Paradox. Oxford: Oxford University Press. 2014. 406 p.

© Беляков Николай Станиславович (belyakov.nikolay1994@yandex.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Башкирский государственный университет